

И.Н. Горелов, В.Ф. Енгальчев. Невербальные компоненты общения на допросе / Ученые записки Тартуского государственного университета. Проблемы повышения эффективности применения юридической психологии. – Тарту: ТГУ, 1988. – С. 124-133.

Юридическая психология отмечает специфичность процесса общения следователя с допрашиваемым /14,17/, но, естественно, не оспаривает того, что допрос является актом общения. Поэтому представляется существенным рассмотреть значение невербальных компонентов (НВК) общения в качестве неотъемлемой части всякого акта общения, изученной, на ваш взгляд, еще недостаточно. Термином «невербальный» (несловесный) обозначается такой знаковый компонент коммуникации, который внешне выражен мимическими, жестовыми, пантомимическими и фонационными (звуковыми) средствами, которые могут: а) взаимодействовать с вербальными средствами языка или даже б) заменять их полностью.

Достаточно полно эти средства как таковые представлены в ряде работ лингвистов, нейропсихологов и психолингвистов /12; 7; 18; 3; 5; /, а также специалистами по коммуникации в более узком (сравнительно с психолингвистами) смысле/21/.

Однако невербальные компоненты коммуникации (в дальнейшем НВК), будучи довольно полно описанными по типам и по возможностям функционировать наряду с вербальной частью общения и в качестве автономных средств общения, совершенно недостаточно изучены в том аспекте, который может и должен интересовать юридическую психологию, теорию и практику следственного процесса. Главными моментами, характеризующими НВК сравнительно с вербальными средствами общения, являются следующие:

1. НВК разворачиваются в процессе общения раньше, чем вербальные средства. Довольно стойкое мнение относительно того, что НВК якобы «вторичны», «вспомогательны», «сопровождают вербальную часть» общения и т.п., опровергнуто экспериментально /3/.

2. НВК обладают широким спектром знаковых потенций, реализуемых ситуативно, они отнюдь не ограничены «эмоциональным значением», выполняя роль описания, указания разного рода модальностей (отношения к слышимому и произносимому) в связи с тем, что обозначено в речи или самим НВК /3/.

3. НВК проявляются в общении произвольно. Всякая попытка коммуниканта затормозить НВК приводит к редукции последних, но не к их исключению из процесса общения. Такого рода редукции, а также замены (произвольные же!) НВК, скажем, фонационного типа на НВК мимики, – изучены крайне плохо. В то же время они представляют особый интерес для специалиста в области юридической психологии.

4. Общение в норме обязательно предполагает гармоническое сочетание вербальной части с НВК. Именно при таком сочетании создается впечатление, что НВК «дополняет», «усиливает» то, что выражено в речи средствами собственно национального языка. Но при общении, характеризуемом конфликтом между тем, что говорится, и тем, что скрывается (маскируется, искажается содержательно и т.п.), наблюдается дисгармония между вербальной частью и НВК. Говоря «наблюдается», мы вовсе не хотим подчеркнуть явный характер дисгармонии, это было бы слишком просто. Опытный коммуникант, каким является, например, внимательный следователь с хорошим стажем, как раз и фиксирует неявные признаки дисгармонии, далеко не всегда отдавая себе ясный отчет в том, что же именно заставляет его не верить словам допрашиваемого в ситуации равно-вероятностного – положительного или отрицательного – отношения к высказыванию допрашиваемого. В таких случаях принято ссылаться на «интуицию», но определения типа «что-то не так», «почему-то не могу поверить» и т.д. не могут, естественно, служить фактическим доказательством неискренности допрашиваемого.

5. Характер НВК менее всего описан с позиций типологии личности. Известно, что интенсивность, скажем, жестикულიции изменяется на весьма протяженной шкале, затрагивающей такие показатели, как национальность, темперамент, пол, возраст, образовательный уровень, степень адаптированности к иноязычной среде. Однако широчайшее разнообразие проявлений НВК все же не предполагает индивидуальной уникальной классификации, а вполне укладывается в групповые типологические признаки, набор которых можно и нужно фиксировать в своеобразные «банки эталонных типов».

6. Создание указанных «эталонных банков» могло бы, несомненно, сыграть роль в следовательской практике, в юридической психологии в целом. Сопоставление наблюдений в сфере НВК-проявлений с данными полиграфа и с объективными данными материалов следствия может, на наш взгляд, привести к значительному усилению оснований для выбора и коррекции тактики допроса.

7. Поскольку допрос представляет собой взаимодействия личности следователя и личности допрашиваемого, знание следователем закономерностей НВК-проявлений немаловажно еще и в том плане, что в специфическом диалоге активны обе стороны, внимательно изучающие друг друга. Попытки (или искреннее делание) создать впечатление готовности к взаимопониманию, сотрудничеству и т.п. наблюдаются с двух сторон. Подчеркнутое недовольство поведением партнера, демонстрация недоверия и др. – также относятся к арсеналу средств воздействия с двух сторон. Таким образом, умение обнаружить гармоническое-дисгармоническое сочетание НВК-проявлений у допрашиваемого с его словами для следователя так же важно в профессиональном плане, как и собственное умение строить достоверное сочетание своих собственных слов со словами собственными НВК-проявлениями. Подчеркнем еще раз: в данном случае речь идет не об абсолютном, а о достоверном результате саморегуляции. Само собой разумеется, что в идеале речь должна идти о специальных курсах теоретической и практической профессиональной подготовки следователя с применением, в частности, системы физических действий и актерского мастерства – по К.С.Станиславскому.

Длительный период критического (точнее: абсолютно негативного) отношения к системам Шелдона и Кречмера, к другим системам френологии и физиогномики, претендующим (точнее претендовавшим) на их безоговорочное признание при отсутствии научных оснований, довольно давно сменился периодом интенсивного и экспериментального испытания и изучения положений, которые представлялись ранее совершенно безосновательными. Можно утверждать, что ныне ряд авторитетных специалистов не случайно обратился к изучению опыта самого далекого прошлого, включая древний Китай. Именно там возникла древнейшая версия более поздних физиогностических теорий. Специальные трактаты, написанные древнекитайскими мудрецами, где разработаны перечни 90-120 мимических позиций и их содержательных интерпретаций, переводятся на различные языки. Отчасти они доступны и нам /15, 250-257; 2, 157-164/. Уже в 1958 году отмечалось – вопреки долголетнему отрицанию, – что «ничего хитрого и ничего мистического нет в том, чтобы по лицу узнавать о некоторых признаках душевных движений» /9, 268/. Действительно, «ничего мистического» нет, а на объективность огромного числа соответствующих наблюдений издревле и до наших дней указывали и указывают лучшие мастера слова, «инженеры человеческих душ» – писатели всего мира. Но художественным познанием мира как источником и обобщенных, и весьма глубоких результатов объективного (в рамках реализма) миропознания ученые пренебрегали и все еще пренебрегают. Во всяком случае, систематическое изучение приемов описания характера человека в связи с его внешностью, как это делала писатели и художники, – такое описание все еще не стало предметом психологического изучения. Игнорирование же литературы и искусства в этом плане помогло, безусловно, в общей кампании отрицания и тех данных, которые сегодня привлекли внимание и находят частичное подтверждение, хотя раньше казались голословными и «мистическими».

Справедливости ради отметим, впрочем, что в двух научных областях – медицине и искусствоведении – внимание к внешности в связи с внутренним состоянием (соматическим, психиатрическим, эмоциональным) и характерологическим комплексом не ослабевало: от того, правильно или неверно фиксируется такая связь, зависит диагностика и лечение (в медицине), литературоведческий или искусствоведческий анализ творчества писателя и художника. Поэтому в медицинской литературе хорошо известны исследования соответствий внешних (мимических, жестикуляционных, пантомимических и др.) средств выражения эмоций и состояния, с одной стороны, и психиатрического статуса, – с другой. Как показал Я. Леонгард /18/, эмоциональные состояния стабильно выражаются в комплексах мимической выразительности, не зависящих от национальности, пола, возраста и др., причем число инвариантов, сигнализирующих об этих состояниях, сравнительно невелико. Их универсальность охватывает не только всех людей, но даже животных (без чего мы не могли бы понимать состояние дрессируемых и приручаемых, как и они – наши состояния). Данные К. Леонгарда во многом согласуются с данными А.А. Бодалева. Поскольку повторяющиеся состояния приводят к мышечным стабилизациям, лицо многих людей часто становится тем, что принято называть «зеркалом души». Психиатрам хорошо знакомы типы ипохондриков, «маски эйфории» и др., позы, типичные для различных душевнобольных.

По данным, которые анализирует Л.П. Гримак, «омега меланхоликов» – признак типичной для меланхоликов «мины скорби»: слегка приподнятые и сдвинутые брови образуют контур, напоминающий греческую букву («омегу»). Л.П. Гримак поясняет также, что, например, нижняя часть кругового мускула глаз называется «ижицей приветливости». Если при улыбке этот мускул не напрягается и нижние веки не поднимаются, то это довольно верный признак неискренности. Лучи же морщин вокруг глаз свидетельствуют о веселом характере и искренней насмешливости /4, 83/. Интересно вспомнить в связи с данными Л.П. Гримака (научными) наблюдение М.Ю. Лермонтова о Печорине, который улыбался «одним ртом», никогда не улыбался «глазами», что и вошло не только во внешнюю, но и в характерологическую обрисовку персонажа. По словам К. Леонгарда, эмоция страха дает сигнал в своем мимическом выражении настолько отчетливо и стабильно, что никакими вербальными (словесными) прикрытиями эту эмоцию скрыть не удастся /8, 26/.

Как известно, часть мимических и жестикуляционных НВК является не врожденной, а воспитанной в той или иной национальной и социально-кастовой среде. По этому поводу опубликован ряд работ. Непроизвольные (хотя и воспитанные, не врожденные) жесты могут выдавать принадлежность того или иного лица к той или иной касте, секте и пр. /22/. Жесты тесно связаны с фиксированными позами и характерами телосложения, истолкованию которых посвящено несколько работ. Так, А. Олсен изучил интерпретацию поз лицами, наблюдавшими за позирующими, и пришел к выводам о том, что всякая поза воспринимается как информативный сигнал об определенном состоянии человека. Более того, имеются корреляции между повторяющимися позами и устойчивыми особенностями личности /20/. Д. Ньеренберг и Г. Калеро описали повседневные «нормативные» позы и жесты, информирующие окружающих о состояниях и намерениях лиц (в общем плане, разумеется). Так, согласно этим исследованиям, сложенные на груди руки с заметно напряженными кистями, означают закрытость и беспокойство, желание скрыть негативное отношение к происходящему. Часть наблюдений, подробно описываемых ныне в научных исследованиях, хорошо известны почти каждому – по личному опыту общения и по художественной литературе. Например: «Глаза, лоб, темя, подбородок и нос трут так же часто, как губы, щеки, уши. Такие действия над предметами, как повторное раскручивание и закручивание авторучки, галстука, трогание костюма и т.д. следует отнести сюда же» /17, 73/, то есть к признаку смущения, затруднения в общении в целом, при ответе на ряд вопросов или на данный конкретный вопрос и пр.

Фонационные НВК, также описанные плохо, как и всякого рода редукции, интересны, в частности, тем, что они до сих пор не зафиксированы ни в каких словарях, перечнях и пр., хотя их число необычайно велико, на несколько порядков превышая перечень так называемых «кодифицированных междометий» то есть междометий типа «мм-да», «гм!», «ох» и др. вошедших в словари. Легко понять, что реальные междометия оформляются различно, никогда не доходя до определенной формы, которая в «идеальном виде» фиксируется словарями. Но звуковая их субстанция достаточно определена и может быть записана точно; устройства перевода звукозаписи в графической (световой) сигнал также хорошо известны и обладают высокой степенью точности. Следовательно, в принципе «банк фонационных эталонов» создать можно и сделать это необходимо в сравнительно короткий срок. Путем автоинтерпретаций и интерпретаций наблюдателей-экспертов при каждом эталоне можно создать перечень эмоциональных и иных (модальных) значений. Поскольку тембровые характеристики (будучи индивидуальными, при каждом речевом сигнале они образуют феномен уникальности голоса, который узнаваем всеми знакомыми) технически несложно «снять», оставив лишь тоновые (высотные), мелодические и ритмико-длительные характеристики, вполне реально (и относительно скоро) можно выделить типологические эталоны фонаций неуверенности, восхищения, страха, изумления, недоверия, готовности подтверждения, несогласия и т.д. и т.п. Подучив типы эталонов, можно сравнить реальные фонации любого лица любой модальности с эталоном. Степень сходства (и различия) укажет на степень естественности произведенной в процессе общения фонации.

На наш взгляд (и в соответствии с данными литературы), всякий человек в экстремальной ситуации изменяет нормативное поведение в определенных пределах, но так, что свойственные ему НВК-проявления не могут исчезнуть, а не свойственные ему НВК-проявления не могут появиться. В интересующих нас специфических условиях лицо, желающее замаскировать свои истинные намерения, свои подлинные оценки фактов, свои реальные мысли и др., прибегает к ограниченному перечню средств маскировки, среди которых НВК играют первостепенную роль. Вели, скажем, ограничиться сейчас мимикой, то можно сказать, что мимика как маскировочное средство используется в двух следующих направлениях:

1. Попытка согласовать мимическое движение – сигнал с вербальной частью, направленной на отрицание. Самый простой случай – отрицательное покачивание головой при словах типа «Нет!», «Не видел», если заранее (путем специального наблюдения и фиксации, скажем в видеозаписи) известно, что в норме говорящий никогда не прибегает к отклонениям головы относительно вертикальной оси на определенный угловой показатель, то существенное нарушение углового показателя может оказаться признаком неискреннего отрицания. Если же коммуникант помогает себе и жестом, которого прежде не обнаруживал, признак неискренности усиливается. Несколько видеозаписей, целенаправленно фиксирующих тот или иной объект, то или иное НВК-проявление, данное в однотипных ситуациях или, напротив, в ситуациях разнотипных, могут стать надежной базой для сличения объекта с эталоном и для уверенных выводов о состоянии коммуниканта.

2. Попытка согласовать мимическое движение-сигнал с вербальной частью, направленной на утверждение, согласие. Наблюдение за актерами высокого уровня и актерами среднего и низкого уровней показывает, что первые варьируют знак подтверждения и согласия в широком диапазоне – от едва различимого кивка, до ряда энергичных кивков, число которых никогда не превышает двух-трех. Как число, так и интенсивность кивка (кивков), зависит от возраста, темперамента персонажа, его пола и национальности, отчасти и от ситуации общения. Вторые же, как правило, усиливают подтверждение, как за счет числа кивков (доводя его до четырех-пяти), так и за счет интенсивности (скорости и энергии, резкости). Возраст, предполагаемая национальность,

темперамент и др. факторы такими актерами игнорируются. Похожим образом «играют» школьники и студенты в соответствующих ситуациях поступка, экзамена и т.п. Следовательно, оценивая НВК-проявления данного коммуниканта, можно и нужно опираться на строго научный эталон данной модальности, соответствующий типологии личности во всех ее признаках. До сих пор, однако, таких эталонов нет и исследований (практических) НВК-проявлений в разных условиях также нет.

К НВК-проявлениям относятся, несомненно, паузы, которые, как известно, в ряде случаев достаточно красноречивы. Но субъективизм ведущего, допрос в данном случае, столь же неизбежен и опасен, как неизбежен он в случаях других фиксаций и оценок НВК-проявлений.

Известно, что говорящий всегда – вольно или невольно – проецирует на партнера свою собственную личность, а также личности (или обобщенный тип), бывшие ранее партнерами в опыте говорящего (слушающего). Это обстоятельство настолько закономерно, что не считаться с ним невозможно, а обойти его нельзя. Искреннее (и субъективно честное) стремление ведущего допрос «быть объективным», тем более «быть объективным с самого начала до самого конца следствия», к сожалению, не может быть осуществлено полностью: здесь и неизбежный перенос прошлого опыта, здесь и вполне естественные отрицательные (и положительные) эмоции ведущего допрос; здесь также и результаты воздействия личности допрашиваемого, а также подчас разноречивые данные материалов, установки на более или менее достоверные версии и пр. Конфликтная с самого начала ситуация допроса может в процессе следствия осложниться настолько, что возникают предпосылки для нарушений требований социалистической законности. Другое дело, что в конце концов результат следствия оказывается в подавляющем большинстве случаев адекватным реальным обстоятельствам дела. Но этот результат вовсе не всецело зависит от «объективного отношения» следователя к личности допрашиваемого; он зависит от ряда обстоятельств, от следователя, поведения допрашиваемого, от реального соотношения всех факторов, определяющих процесс дознания, именно в силу того, что в подавляющем числе случаев ошибка следствия в конечном счете исправляется в ходе самого следствия, у следователя возникает иллюзия «объективного отношения» к делу, к личности допрашиваемого. Но многие конфликты между коммуникантами в процессе возникают из-за неверных интерпретаций НВК-проявлений. Любой профессионал может сказать, что на той или иной стадии допроса его раздражает темп речи допрашиваемого, его паузация. На вопрос, каков темп речи, каков характер паузации у данной личности в норме, ответ дается не сразу, если дается вообще. Кстати, чем медленнее и чем с большими паузами разговаривает сам следователь, тем меньше его раздражает замедленный темп речи допрашиваемого. В том же случае, если допрашиваемый обнаруживает черты брадилалии (ускоренной речи), да к тому же он еще и образован и привык говорить много, быстро и гладко, такое его свойство может раздражать следователя с противоположными характеристиками речи. Нельзя сбрасывать со счета и оценку речи следователя допрашиваемым, который также проецирует свои личностные и речевые характеристики на следователя. Таким образом, темп и паузация, относясь к НВК-проявлениям, требуют и предварительного изучения, и сличения с миологическими личностно-речевыми. В работе Н.Ф.Федоровой (ее характеристика дана в работе Бодалева, 1982, 160) вышеприведенные соображения подтверждаются. Полезно в этом смысле изучить факты и результаты их анализа в других работах /16,19,6/.

В заключение отметим, что весьма существенный аспект роли НВК для целей юридической психологии, теории и практики организации допроса не изучен вовсе. Мы имеем в виду тот, интуитивно ясный и известный любому человеку с опытом общения факт, что образ партнера по коммуникации, как и собственный образ коммуниканта, называемых все чаще по-английски «имидж», в обязательном порядке включает весь комплекс НВК-проявлений; антагонистические отношения между «имиджем» до-

прашиваемого и «имиджем» ведущего допрос в ряде случаев сводятся к несовпадению НВК-проявлений. Есть основания считать, что оба партнера легче адаптируются к акценту, к разным стилям (по образовательному статусу) речи, а тем более к разным социальным ролям в ситуации допроса, чем к «несовместимым» НВК-проявлениям: разнотипным мимикам, разнотипным жестиколяционньм системам, разнотипньм фонационньм характеристикам. Отсюда следует, что внимание к изучению роли НВК, к их систематизации, к внедрению результатов в практику ведения допроса, к инструментально-аппаратному оснащению всего подготовительного периода и к процессу ведения допроса должна быть повышена.

Развитие компьютерной техники, экспертных систем в составе общетехнического перевооружения юридической службы в целом должно, на наш взгляд, предусмотреть и создание баз данных и банков специальных знаний, включая и образные и иные эталоны, касающиеся невербальных компонентов коммуникации.

Литература

1. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. – М.: изд-во МГУ, 1982.
2. Бар-Эбрая. Нравоучительные рассказы. – М.: Наука, 1985.
3. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – Л.: Наука, 1980.
4. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики. – М.: Политиздат, 1987.
5. Исенина Я.И. Дословесный период развития речи у детей. – Саратов: Изд-во СГУ, 1986.
6. Кертис И. Тактика и психологические основы допроса. – М.: Юридическая литература, 1965.
7. Колшанский Г.В. Паралингвистика. – М.: Наука, 1983.
8. Леонхард К. Акцентуированные личности. – Киев: Вида школа, 1981.
9. Макаренко А.С. Сочинения. – М., 1958, Т. 5.
10. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982.
11. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977.
12. Николаева Т.М., Успенский Б.А. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. – М., 1966.
13. Ноеренберг Д.И., Калера Г.Х. Учитесь понимать человека как книгу // ЭКО, 1987, № 2. – С. 208–220.
14. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. – Минск: Вышэйшая школа, 1978.
15. Пронников В.А., Ладанов И.Д. Японцы. – М.: Наука, 1963.
16. Gastello R.W., Zalkind Sh. S. Psychology in Administration. – N.J., 1963.
17. Helm V., Uber den Einfluss affektiver Spannungen auf das Denlchandeln // Zeitschrift fur Psychologie. – 1965. – Bd. 157. – H. 1–2.
18. Leonhard K. Der menachliche Ausdruck in Mimik, Gestik und Phonik. – Leipzig, 1977.
19. Newkomb T., Turner R., Converse P. Social psychology. – H.J., 1963.
20. Olcen A.M. Positur and body movement perception // Proceeding of the 16-th. International Kongress. – Amsterdam, 1961.
21. Ritchie M. The Relationship of Verbal and Nonverbal Communication Mouton Publishers. – The Haque-Paris-New-York, 1981.
22. Saunders E.D., Mudra K.Y. Bollingen Poundatian. – H.Y., 1960. – 133 p.